

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

★

ТОМ 2 КНИГА 2

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

Г. И. Ломидзе, Л. И. Тимофеев (главные редакторы),

М. Ариф, В. В. Борисенко, В. Д. Жгенти,

К. Л. Зелинский, К. П. Корсакас, Г. М. Мусрепов,

Л. Н. Новиченко, А. А. Петросян,

Я. М. Строчков (ответственный секретарь),

И. А. Султанов, В. Р. Щербина

1913 1*

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
ЗАКАВКАЗЬЯ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том второй, книга 2

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТОМА:

- Г. И. Ломидзе (ответственный редактор),
- Н. Н. Воробьева, Е. Н. Горбунова, Я. М. Строчков,
- Э. Я. Сыгель, С. М. Хитарова

19 72

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ

Литература Карелии

На рубеже 20-х и в 30-е годы литературное движение в Карелии заметно оживляется. Появляются первые литературно-художественные журналы и альманахи на финском и русском языках — «Пунакантеле» («Красное кантеле», 1928—1932), «Ринтама» («Фронт», 1932—1937), «Кевятвюэрю» («Весенний поток», 1929—1935); на русском языке выходят: журнал «Ударник слова» (1931—1932), альманахи «Начало» (1934—1935) и «Карелия» (1937—1940).

Своеобразие развития литературы Карелии в значительной степени определяется теми писательскими силами, которые ее создавали: большую часть авторов составили революционные эмигранты, приехавшие в Советский Союз вскоре после поражения революции 1918 года в Финляндии, — О. Иоганссон, Х. Тихля, С. Мякеля, Л. Летомяки, Г. Лаукканен, Л. Луото, Р. Руско и др. В конце 20-х — начале 30-х годов к ним примыкают Э. Виртанен, А. Висанен, Т. Вятейнен, Л. Косонен, а также приехавшие из США Э. Паррас и М. Рутанен, участвовавшие в социалистическом движении рабочего класса Америки и сотрудничавшие там в финской пролетарской печати.

Литературу этого времени представляют и первые писатели коренной карельской национальности — Н. Яккола, Ф. Ивачев, Ф. Исаков, к которым в 30-е годы присоединяются тогда еще совсем молодые А. Тимонен, Я. Ругоев, Н. Лайне. Выдвигаются литературные силы также из числа ингерманландцев (финнов Ленинградской области), среди которых Л. Хело — один из наиболее одаренных поэтов того времени.

Писатели Карелии поддерживают тесные личные контакты с русскими советскими писателями, особенно с ленинградской писательской организацией. В Карелию неоднократно приезжают В. Саянов, Г. Фиш и другие.

Неоднородность национально-этнической среды (карельской и финской), а также своеобразие биографии авторов, приехавших из других стран, во многом предопределили сложность и своеобразие формирования карельской советской литературы тех лет. Жизнь социалистической Карелии, ее конкретные условия и формы были лучше знакомы коренным карелам. Это в известной степени сказывалось в национальном своеобразии их творчества; ингерманландцам была ближе жизнь их родного

края, тогда как в творчестве финских революционных эмигрантов значительное место в 30-е годы занимала финляндская тематика. Характерное для всей советской литературы особое внимание к событиям Октябрьской революции и гражданской войны в СССР получало у писателей-эмигрантов индивидуальный акцент: они обращаются к теме революции 1918 года в Финляндии, стремятся художественно осмыслить ее движущие силы, постигнуть причины поражения, осветить героические страницы прошлого.

Существенное воздействие на развитие литературы Карелии оказывало классическое финское наследие. Этот момент обострялся тем, что финский язык был основным языком в республике. Русским языком многие писатели-эмигранты владели недостаточно хорошо. Переводов советской литературы на финский язык в те годы было еще очень мало. Писатели-эмигранты, естественно, труднее вживались в новую для них общественно-литературную атмосферу Советской страны. Прилагая все усилия к овладению русским языком и литературой, они все же заметно тяготели к финской литературе, продолжая и развивая ее демократические традиции в поэзии и прозе.

В творчестве многих поэтов 30-х годов преобладают революционно-патетические стихи в духе рабочей поэзии, обычно рассчитанные на устную декламацию, иногда с элементами театрального действия, обращением к аудитории с политическими лозунгами и призывами. В этих стихах воспеваются мощь Советской державы, международная солидарность трудящихся, моральная стойкость пролетарских борцов, их верность классовому долгу. К лучшим стихам этого типа можно отнести: «Из железа» (1930) Л. Летонмяки, «Народный фронт» (1935) Р. Руско, «Круг» (1936) Т. Вяйянена, «Парижская коммуна» (1933) С. Мякеля. Героем революционно-патетической поэзии является не отдельная личность, а массы, класс в целом. Более того, все относящееся к области «личных» чувств обычно осуждалось как несовместимое с интересами класса. Поэты настойчиво призывают отказаться от всего «личного», подчинив его без остатка общему. «Прочь о счастье собственном грезы!» — восклицает Р. Руско в «Народном фронте»; сходные мысли развивает Я. Виртанен в «Квартете сердец» (1934).

В мотивах жертвенности и аскетизма можно уловить отзвуки дореволюционной финской рабочей поэзии. В сознании поэтов-эмигрантов ее традиции были особенно устойчивы. Живя интересами Советской страны, они в то же время с неослабевающим интересом следили за событиями в Финляндии, мечтали о новых классовых боях и призывали финский пролетариат к самоотверженной борьбе с реакцией. В условиях социализма с его идеалом гармонического единства личных и общественных интересов это могло привести к потерям в изображении сферы человеческих чувств, к одностороннему восприятию традиций дореволюционной рабочей поэзии, как случилось в «Квартете сердец» Я. Виртанена. Стремясь как-то преодолеть это противоречие, другой карельский поэт, Э. Виртанен, писал в поэме «Улыбка солнца» (1935), что современный советский человек не должен быть «ни Диогеном, ни Лукуллом — разве только иногда Эпикуром». Эта уступка «эпикурейству» звучит наивно, и вместе с тем она показательна для поэта, воспитанного в традициях финской рабочей поэзии (Э. Виртанен эмигрировал из Финляндии в 1930 г.).

Многие карельские поэты воспевают социалистические преобразования в Карелии, радость освобожденного труда. В 1933 г. выходит сборник агитационных стихов М. Рутанена «Песня труда», призывающих лесорубов включиться в социалистическое соревнование. Таких стихов в 30-е

годы печаталось немало; большинству из них присущи декларативность, отвлеченность, ослаблявшие их эмоциональное воздействие.

Несколько особым путем развивалось творчество Л. Хело (псевдоним Тобиаса Гуттари). Один из наиболее значительных поэтов 30-х годов, Л. Хело не принадлежал к поколению поэтов-эмигрантов; он вырос в другой среде и как поэт сформировался под влиянием иных литературных традиций.

Детские и отроческие годы Хело провел в деревне под Ленинградом, которая, несмотря на близость к большому городу, сохраняла в ту пору черты патриархальности. Финская (ингерманландская) деревня предреволюционного периода и первых лет Советской власти жила относительно замкнутой жизнью, была слабо связана с внешним миром. Время от времени крестьянин навещал родственников в соседних деревнях, бывал по делу в ближних русских селениях, изредка ездил в город, но определяющей для его духовного мира была привязанность к своему хозяйству, к своей деревне: иной жизни, кроме крестьянской, он не мыслил ни для себя, ни для своих детей. Социальная замкнутость сочеталась с замкнутостью национальной.

Однако новая жизнь ломала привычные устои и представления. После сельской школы Хело поступил в педагогический техникум и в 1924 г., еще до завершения курса, уехал учительствовать в Карелию. В ту пору карельская деревня мало чем отличалась от ингерманландской. Она была, пожалуй, еще более патриархальной. Впоследствии Хело писал, что карельская деревня показалась ему отставшей на полвека. Древние народные обычаи были еще в полной силе. Население чаще обращалось к знахарю, чем к врачу; по весне скот выпускали на выгон только с обрядом заклинаний. Но в эти же годы, как отмечал Л. Хело, уже началось «широкое и мощное наступление на старину», борьба за новую жизнь. Советская власть принесла в Карелию свет и знание; молодое поколение древней Карелии, по словам поэта, «искала новые пути».

Это поступательное движение советской нови и воспевал в своих стихах молодой Хело. Романтическая окрыленность, обостренное чувство подъема, потребность общения с широким миром, жажда беспокойной жизни, отличной от деревенской замкнутости и тишины, характерны для его ранней лирики (сборник «Молодые сердца», 1930).

Труд рыбака, лесоруба, угольщика в ранних стихах Хело овеян праздничным чувством; его героям, молодым и сильным людям, все нипочем.

В приподнято-радостном строе чувств проявлялась связь лирики Хело с эпохой, с торжеством социального освобождения. Связь эта несколько однолинейна, стихам поэта больше свойственна романтическая восторженность, нежели реалистическое понимание сложности борьбы за социалистическое переустройство жизни, особенно в деревне.

С проникновенным лирическим чувством написаны «На родине», «Ткачиха» и некоторые другие стихотворения Хело конца 20-х — начала 30-х годов. В отдельных стихах ощущается влияние есенинской лирики, что дало повод критике тех лет упрекать Хело в поэтизации печали по уходящей патриархальной старине. Но упрек этот был несправедлив. В есенинской поэзии Хело привлекала яркая «вещественная» образность, художественная конкретность, внимание к внутреннему миру человека — все это было очень важно для Хело, особенно если учесть, что в ту пору подмена образного мышления социологическими абстракциями сказывалась в творчестве многих карельских поэтов.

Стихотворение «На родине» — своеобразная лирическая встреча поэта, теперь уже повзрослевшего, с родной деревней, какой она сохранилась в его детских воспоминаниях, с ее врезавшимися в память внешними при-

метаами: потемневшей избой, заснеженными черемухой и кленом под окном, взлохмаченным псом у колодца, бегом запряженного в сани коня в лунную ночь. Все это напоминает «есенинскую» радость узнавания родных мест с деталями, быть может, и не столь уж многозначительными, но по-человечески близкими и понятными, придающими стихотворению особую теплоту и конкретную образность. Поэт нагнетает эти детали, чтобы создать иллюзию, будто в родном краю все «как прежде», а затем, в последней строфе, дает контрастную концовку: «Да, все это давным-давно знакомо, но стремления у людей новые».

Если «На родине» — лирическая встреча со старой деревней, по внешним приметам которой поэт вновь «перечитывает» свое детство, то «Ткачиха» — скорее прощание с нею. Но в этом прощании уже сняты резкие интонации: в нем есть стремление понять и стариков, установить согласие с ними, но без уступок. Склонившись над деревянным ткацким станком, дорожа тихим уютом крестьянской избы, освещенной весенним солнцем, старушка-мать думает о сыне, и есть что-то трогательное в ее застенчивом желании всегда видеть его рядом с собою, охранять его от тревог большого мира; она надеется, что когда-нибудь сын еще вернется и оценит этот безмятежный покой. Но сыну дома уже тесно: зов новой жизни, тревожной и прекрасной, ведет его в «даль дорог», какой бы нежностью к матери не было наполнено его сердце.

*По той тишине не тоскую,
О матери помня своей,
Я вижу, как трудно бывает
Понять матерям сыновей.*

*Домой не могу я поехать,
Но знаю: разлил там, весна.
Ткачиха глядит на дорогу,
Ставины стучат у окна¹.*

(Перевод Г. Семенова)

Критика 30-х годов нередко допускала по отношению к Хело вульгарно-социологические перегибы, особенно в отношении его пейзажной лирики. Стараясь внять этим критическим суждениям и в то же время смутно сознавая, что под их влиянием он в чем-то ограничивает свой талант и свое восприятие красоты мира, Хело пишет, например, такое стихотворение, как «Долой поэзию!». В нем прекрасное в природе и прекрасное в практической деятельности человека выступают как два якобы несовместимых и взаимоисключающих начала — первое отрицается во имя второго.

Но наряду с этим Хело не перестает создавать образцы пейзажной лирики. Во второй сборник стихов (1931) он включает превосходный по своим художественным качествам вольный перевод саамской народной песни «Лаумаланде», а также стихотворения «Далекий берег» и «Шуми, море!» — картины современного южного пейзажа, в которых красота природы и стремления людей уже не противоречат друг другу, но находятся в гармонии. Лирический колорит этих стихов отчасти определялся биографическим моментом: Хело долго болел туберкулезом легких и время от времени лечился на черноморских курортах. Целительная сила природы, ее способность содействовать физическому и духовному обновлению человека запечатлелись в строфах, словно согретых солнцем,

¹ Тобиас Гуттари. Избранные стихотворения. М., 1959, стр. 12.

овеянных теплым ветром. Передавая свое обостренное восприятие целостности огромной страны, поэт вписывает в пейзажные зарисовки новые — индустриальные — детали: бегут по берегу «нитки» нефтепровода, по морю идут корабли с северным лесом; море благодатно не только для сынов Абхазии, но и для украинских хлеборобов, «для жителей Севера слышен твой ласковый плеск...»¹.

В карельской прозе 30-х годов ведущее положение занимает историко-революционная тематика. Особенно много произведений написано о финляндской революции 1918 года. Среди книг можно упомянуть романы С. Иоганссона «Красные партизаны тундры» (1931) и «Стальной вихрь» (1935), роман Э. Парраса «Жители Юмюваары» (1933), повести В. Аалто «Испытание» (1930), «Между двумя фронтами» (1933) и С. Палерма «Четыре побега» (1931), «В тюремной камере» (1933).

Роман С. Канкаанпяя «Непобедимые» (1934) посвящен борьбе с иностранными интервентами в Карелии, в романе Х. Тихля «Страница переворачивается» (1934—1936) действие связано с событиями Октябрьской революции.

Остановимся на романах Э. Парраса и Х. Тихля, как наиболее значительных прозаических произведениях этого периода. Оба писателя, один на финляндском материале, другой на русском, рассказывают об исторических судьбах крестьянства, о его пути к революции. Проблема эта интересовала их не только в историческом, но и в современном плане, особенно в начале 30-х годов, в период коллективизации деревни. Как мы видели, ломка во многом еще патриархального быта карельской деревни нашла отражение в лирике Л. Хело. В романе Э. Парраса эта тема развивается на более широком историческом фоне. «Жители Юмюваары» охватывают события примерно с 70-х годов XIX в. до революции 1918 г.

Роман Э. Парраса «Жители Юмюваары» построен как история деревни Кинос-ярви, точнее — крестьянского рода Юмюваара, который постепенно распадается с переходом отдельных его представителей в новую среду, в новое социальное состояние. Подобный сюжетно-композиционный принцип неоднократно использовался в литературе Финляндии, например, в историческом романе Э. Топелнуса «Рассказы фельдшера» или в романе А. Ярнефельта «Жители Венехоя». Э. Паррас в своем романе опирается на творчество как этих, так и некоторых других финских писателей второй половины XIX — начала XX в., запечатлевших в своих произведениях многие стороны долгого и мучительного процесса вытеснения патриархального уклада буржуазными отношениями в финской деревне.

Некоторые страницы романа заставляют вспомнить о романе А. Киви «Семеро братьев». Например, Э. Паррас использует впервые введенный А. Киви в финскую литературу пейзажный прием, когда картина природы дана с какой-нибудь возвышенности, господствующей над окрестностями, с кругозором во все стороны света, с последовательной детализацией того, что открывается взору на юге, на востоке и т. д. Так описаны в романе Э. Парраса окрестности Юмюваары, причем в этом описании можно уловить даже ритм соответствующих мест из романа А. Киви.

Мотив вторжения железной дороги в глухой край, первые слухи о ней в Юмювааре напоминают о повести Ю. Ахо «Железная дорога».

Но в данном случае следует иметь в виду, что Э. Паррас обращается к творчеству своих предшественников не с целью заимствования и

¹ Подстрочный перевод.

подражания. Писатель опирается на образцы классической финской литературы как на свидетельства минувшей эпохи; художественные факты как бы превращаются для него в факты самой исторической действительности, и он строит летопись рода Юмюваара примерно так же, как ученый, пользующийся историческими хрониками и трудами своих предшественников.

По своей идейно-художественной концепции роман Э. Парраса — оригинальное произведение. Принципиально новое заключается прежде всего в самом взгляде на развитие финской действительности, в расстановке социальных акцентов, в исторической перспективе повествования. Особенно наглядно эти свойства проявляются во второй и третьей частях романа — «К новым боям», «Лишь мы землей владеть имеем право».

Через весь роман проходит идея солидарности и коллективизма, идея духовного единства трудовых людей, по-разному осмысляемая на разных этапах исторического развития. Впервые она выражена в предсмертном наказе старика Матти, главы большой патриархальной семьи Юмюваара, тридцать пять членов которой живут в мире и согласии. Хранитель родовых преданий и накопленного веками опыта, Матти говорит сыновьям, что, если они хотят счастья и мира, им никогда не следует покидать землю предков, делить ее между собою либо продавать. Однако выполнение этого наказа несовместимо с быстро изменяющимися социальными условиями, когда Юмюваару начинают теснить купцы и лесопромышленники и все большее значение в деревне приобретает деньги. Вопреки наказу Матти большая патриархальная семья все-таки разрушается; вначале один из сыновей, а затем и другие отделяются, продают по частям лес и землю, пока постепенно она не переходит в руки купца-предпринимателя. Молодое поколение покидает деревню и уходит в город. Словом, «старая основа» жизни безвозвратно рушится.

Но что же возникает «взамен» патриархально-крестьянского идеала? Этот вопрос как раз и подводит к пониманию коренного различия между романом Э. Парраса и творчеством упоминавшихся финских писателей.

Еще Киви, с восторгом писавший о «духе общности», о «душевной щедрости», свойственной патриархальному финскому крестьянину, не замечал этих качеств у экономически более развитого тогда шведского крестьянства Финляндии. Да и сами герои его романа в последней главе, когда они уже вынуждены отказаться от мечты о вольной лесной жизни и примкнуть к «цивилизации», в какой-то мере утрачивают свое былое нравственное обаяние. Сознывая неизбежность гибели патриархального уклада и относительную прогрессивность буржуазной цивилизации, Киви и последующие финские писатели XIX в., в особенности Ю. Ахо и А. Ярнефельт, не находили, однако, ни в одном из классов буржуазного общества должного возмещения тем нравственным ценностям, которые были присущи патриархальному крестьянству. На первых порах Ахо и Ярнефельт с известным сочувствием относились к финскому рабочему движению, видя в объединении рабочих некую «замену» патриархальному коллективизму, но по мере революционизирования трудящихся масс эти писатели отшатнулись от общественной борьбы, которая теперь показалась им «безнравственной».

В романе Э. Парраса историческое развитие с победой буржуазных отношений не заходит в абсолютный тупик, как это было в романе А. Ярнефельта «Жители Венехоя». Различие между этими произведениями тем более очевидно, что в них есть внешне сходные ситуации. И в том и в другом романе от потомственных крестьян отделяется ветвь горожан, что служит для обоих авторов переходом к описанию

городской жизни, постепенного зарождения революционного движения и, в частности, Свеаборгского восстания 1906 года. Когда Э. Паррас передает первые «городские» впечатления одного из своих героев, у читателя создается ощущение, что повествование пойдет примерно в той же тональности, как у Ярнефельта, в изображении которого жизнь капиталистического города была воплощением «неразумности», абсолютно лишенной всякого положительного начала. Эйно Хирвимяки, герой романа Э. Парраса, тоже полагает, что городская жизнь лишена «настоящей основы», что в городе все зависит от зыбкой случайности, «все куда-то оторвалось и как будто повисло в воздухе. В деревне жизнь была куда устойчивей и прочней — даром что в городе ходят по каменным мостовым, а по обе стороны улиц высятся крепкие кирпичные стены». Как и у Ярнефельта, упор делается на взаимную разобщенность людей в городе: «Нет, это была чужая жизнь, и люди все чужие между собой — даже «здравствуй» друг другу не говорят».

Однако иллюзия сходства постепенно рассеивается: Э. Паррас в отличие от Ярнефельта все настойчивей подчеркивает политическую ограниченность патриархального мирозерцания. Эйно Хирвимяки попадает в царскую гвардию и проникается верноподданническими чувствами к царю и ненавистью к «нигилистам», устраивающим покушения на царскую особу. Одна из главных заповедей умирающего Матти, носителя патриархальной мудрости, гласит, что, кроме царя, над народом не должно быть больше никаких «господ», а Эйно Хирвимяки считает русских «нигилистов» как раз теми «господами помельче», которые искусственно вклиниваются между царем и народом. Патриархальная нравственность не может уберечь человека от политической слепоты. Только под воздействием новой волны царской реакции в Финляндии (так называемой «бобриковщины»), с одной стороны, и повседневного общения с близкими людьми из числа социал-демократов — с другой, Эйно преодолевает свои заблуждения.

Дух коллективизма, утраченный вместе с гибелью патриархального уклада, возрождается на принципиально иной основе. Прежде жители деревни Кинос-ярви ненавидели бумажную фабрику, железную дорогу и жестоко дрались с рабочими. Инерция патриархальной морали, ее несоответствие новым условиям привела даже к тому, что брат возненавидел брата, такого же трудового человека, но уже не земледельца, а рабочего. Трудовых людей, утверждает Э. Паррас, могут объединить только социалистические идеи, совместная борьба за свое освобождение. Новая нравственность возникает на основе классовой революционной солидарности. В романе показано, как батраки и бедные крестьяне постепенно сближаются с фабричными рабочими и совместными усилиями воздвигают в Кинос-ярви свой рабочий клуб — просветительный центр, а затем плечом к плечу сражаются в Красной гвардии.

Происшедшие в финской деревне перемены как бы концентрируются в наблюдениях одного из героев — рабочего Калле, который долго пробыл в Америке и теперь с трудом узнает родные места. Изменились окрестности, изменились и сами люди, их заботы и стремления. В книгах, которых начитался Калле в детстве, родина всегда ассоциировалась с неизменными ее приметам, с «милыми тропами, валунами и пнями», а не с железными дорогами и дымом фабричных труб. Из знакомых примет детства Калле увидел только старые-старые качели, но рядом с ними теперь высился рабочий клуб с красным флагом на крыше.

В этих раздумьях героя и во всей идейно-художественной концепции романа заключена энергичная полемика автора с теми финскими писателями конца XIX — начала XX в., которые в силу своего неприятия

обострившихся противоречий капитализма и революционного движения масс все дальше отходили от «культурного мира», от современной им общественной проблематики и становились «певцами лесной глуши», как их часто называют в финском литературоведении.

Роман «Жители Юмюваары» обнажает односторонность и историческую бесперспективность такой критики капитализма, поскольку она ограничивается лишь одними lamentациями, никуда не ведет и не содействует развитию активного сознания.

Таким образом, опираясь на художественный опыт финской классической литературы, Э. Паррас в то же время по-новому осветил в своем романе исторические судьбы финского крестьянства в эпоху пролетарской революции.

Эта проблема — крестьянство и революция — занимает центральное место и в романе Хильды Тихли «Страница переворачивается» (1934—1936), написанном уже на материале русской истории. Среди писателей, эмигрировавших из Финляндии и США, Тихля в 30-е годы была единственным автором крупного прозаического произведения, посвященного эпохе Октябрьской революции.

В литературу Хильда Тихля вступила в начале XX в.: за десять лет, с 1907 по 1916 г., в Финляндии вышло шесть ее книг. Лучшие рассказы того времени (например, «Тэллу», «В Хельсинки!», «Совет знахаря» и др.) написаны в реалистической манере. Однако во многих произведениях писательницы преимущественное внимание уделялось религиозно-нравственной проблематике (с оттенком «толстовства»), которая нередко получала самодовлеющее значение и разрушала реалистическую основу повествования. Народная жизнь выступала в них односторонне, духовные интересы крестьян сводились в основном к религиозным исканиям.

Стремление писательницы больше доверять живой жизни в ее вещественно-осязаемой реальности, нежели отвлеченным нравственно-религиозным и просветительским утопиям, видимо, сыграло немалую роль в том, что во время финляндской революции 1918 года она не отвернулась от восставшего народа и не поспешила объявить его борьбу «безнравственной», как это произошло со многими другими финскими писателями.

В этом сочувствии революции было больше стихийно-эмоционального демократизма, чем ясного понимания ее движущих сил, ее целей и задач. Попытку более глубокого осмысления революционной борьбы Тихля предприняла лишь много лет спустя, в романе «Страница переворачивается», в котором своеобразно отразились ее прежние иллюзии и сомнения. Причем для Тихли было очень важно написать свой роман не о финляндской революции, потерпевшей поражение, а о победоносной Октябрьской революции: в этом случае развитие самой исторической действительности помогало ей преодолеть еще не до конца изжитые просветительские утопии. Писательница со своими новыми героями, русскими крестьянами, как бы заново проходит весь тот путь исканий и заблуждений, которыми шли и герои ее более ранних книг, но теперь этот путь имел уже твердый ориентир — выход в социалистическую действительность, чего не было в финляндской революции с ее трагическим исходом.

Однако подчеркивание стихийного, бессознательного начала помешало автору убедительно показать, как зарождалось в крестьянстве революционное сознание, почему крестьяне пошли с революцией. Эта задача усложняется для автора еще и тем, что, желая подчеркнуть тяжелые условия жизни дореволюционного крестьянства, его темноту, Тихля пре-

увеличивала его религиозность, мистицизм и т. п. Поэтому, когда писательница пытается объяснить, почему крестьянам стали понятны и близки революционные листовки, привезенные солдатами с фронтов первой мировой войны, читатель оказывается к этому неподготовленным. Оставаясь в пределах констатации событий, автор тем самым освободил себя от необходимости шаг за шагом проследить духовное прозрение героев. Во второй части романа один из них, Илья Белянов, сразу появляется в своем новом качестве, как активный революционер и советский работник, но каким образом этот бывший крестьянин стал сознательным бойцом революции, так и не прояснено.

В образе Ильи Белянова, по авторскому замыслу, преодолевается разъединенность практического и духовного начал, воплощением которых являются основные герои первой части — крестьянин Федосей и сельский портной Иван Петрович. В отличие от портного Федосей способен на практические поступки, но действует он бессознательно; влекомый ходом событий, портной стремится жить осмысленно, следуя возвышенным идеалам, но на практике он совершенно беспомощен. Илья, нашедший возвышенный идеал в величии своего класса, в то же время человек практического действия, борющийся с врагами революции в трудный период военного коммунизма.

Социалистическое строительство в Карелии 30-х годов отражено главным образом в очерковой литературе. Активно выступал в этом жанре О. Иоганссон, написавший, в частности, книгу очерков «Кондопога — ударная работа» (1932), о рабочих Кондопожского бумажного комбината. Публицистический пафос очерков сочетается со стремлением автора нарисовать индивидуальные портреты передовиков производства.

В ряду других очерковых книг того времени следует отметить «Взорванные горы» (1932) русского писателя Карелии С. Норина и «Покорение реки» Л. Хело о строительстве Свирской гидростанции.

Во второй половине 30-х годов литература потеряла ряд писателей. Временно перестали издаваться журналы на финском языке, а на вновь создававшемся литературном карельском языке начал выходить альманах «Карелия». Из-за относительной разобщенности живых диалектов и по ряду других причин на пути развития литературного карельского языка встретились большие трудности; в 1940 г. было решено вновь вернуться к литературному финскому языку. Тогда же на этом языке стал выходить журнал «Пуналиппу» («Красное знамя»), а на русском — «На рубеже», сыгравшие важную роль в дальнейшем развитии литературного движения в республике.